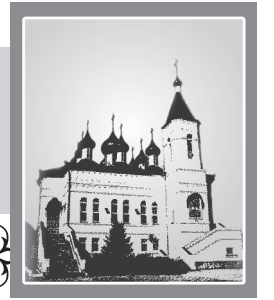




ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Книги Нового Завета расположены в порядке усложнения. Самая сложная и с трудом поддающаяся толкованию книга Откровения завершает Библию. А непосредственно идущая перед ней едва уступает Откровению в сложности. Это Послание к Евреям. Оно читается постом на литургиях, и нужно думать потому, что пост очищает ум, бодрит душу и делает ее более способной к постижению смыслов Писания. Послание к Евреям говорит о Христе как о Царе и Боге, как о Первосвященнике, при этом используя богатый материал Ветхого Завета. Читая это послание, то и дело стоит посылкам уходить в текст закона и пророков, без знакомства с которыми послание будет для читателя не более чем «китайская грамота». Мне хочется предложить пример такого чтения на нескольких цитатах из Послания к Евреям.

Вот автор Послания в 3-й главе убеждает читателей быть внимательными, чтобы не отпасть от Бога живого. Для этого он просит, чтобы верующие наставляли друга, пока есть время. «Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом» (Евр. 3, 12-13). Для убедительности он цитирует слова, хорошо известные среди евреев. А именно – Псалмы. Вот 94-й псалом обращается к людям со словами: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота». И возникает вопрос: какого ропота? О чем речь?

Для ответа на этот вопрос и для складывания целостной картины придется совершить путешествие в Книгу Исхода, в 17-ю главу. Там рассказывается о ропоте евреев на Моисея и требовании воды. Тем жезлом, которым Моисей разделил море, Бог повелел пророку ударить в скалу. В месте удара скала треснула, и потекло столько воды, что весь народ напился. Место получило имя Масса и Мерива, то есть «ропот и искушение». Об этом событии напоминает псалом и это цитирует Павел: «О, если бы вы ныне послушали гласа Его: “не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дело Мое. Сорок лет Я был раздражаем родом сим, и сказал: это народ, заблуждающийся сердцем, они не познали путей Моих”» (Пс. 94, 8-10).

Надеясь, что читатель не устал. Потому что если устал, то с какими мыслями он тогда стоит на службе и о чем вообще думает, когда чтетцы, диаконы и священники читают вечные слова? А мы между тем приблизились к некоей закономерности. Вонмем! Павел говорит нечто актуальное и злободневное для христианской общины – раз! Подтверждает свои слова он цитатой из любимейшей и известнейшей книги псалмов – два! Но сами псалмы отсылают читателя уже к воспоминанию событий более древних, как то: Исхода, или плена, или творения мира, проч. Это три! Получается цепочка: Павел – Давид – Моисей. Можно идти и в обратном направлении, то есть по линейной хронологии: Моисей – Давид – Павел. Моисей говорит о событиях древних, псалмы напоминают и истолковывают, Новый Завет связывает то и другое с Христовым учением. Не знаю, как вам, а мне такие золотые смысловые нити, которыми прошито Писание обоих Заветов, очень веселят душу.

Закрепим эту схему (одну из многих) еще одним примером. Послание к Евреям впервые называет Иисуса Христа Первосвященником и говорит об этом пространно. До этого Он именовался и Светом, и Путем, и Пастырем, и Агнцем... Теперь – Первосвященником. «Имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего». И еще: «Мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха». И далее об этом подробно.

Павел напоминает, что по закону первосвященниками становятся люди, имеющие слабости, немощи. И они, естественно, молятся вначале о себе как о грешнике, а потом – о людях. Таково и нынешнее духовенство. Личная слабость ведет к тому, что священство не осуждает народ, но сострадает ему.

Слово пастыря

Священник должен «снисходить невежествующим и заблуждающимся, потому что и сам обложен немощью». Но Иисус иной! У Него нет грехов! То-то и удивительно, что не общий грех, как у нас, заставляет Иисуса жалеть людей, а безгрешие! Оно не к превозношению ведет, но к истинному состраданию. Все это глава 5-я. И предметы эти настолько непривычны для бытового слуха, что сам автор послания говорит читателям: «О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделали неспособны слушать» (Евр. 5, 11). Но тем не менее продолжил речь он, продолжим и мы.

Павел называет Иисуса не просто Первосвященником, но таковым по чину Мелхиседека (Евр. 5, 4, 10). Тут нам придется поднапрячься. Слова эти встречаются в псалме 109-м. Возвышенный мессиянский псалом! Его незадолго до Страдания цитировал Иисус в беседе с фарисеями, когда говорил о Своем Богосыновстве и Господстве (см. Мф. 22, 44). Приведем его полностью, ибо он невелик.

Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Жезл силы Твоей пошлет Господь с Сиона: господствуй среди врагов Твоих. В день силы Твоей народ Твой готов во благолепии святыни; из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое. Клялся Господь и не раскаялся: Ты священник во век по чину Мелхиседека. Господь одесную Тебя. Он в день гнева Своего поразит царей; совершит суд над народами, наполнит землю трупами, сокрушит голову в земле обширной. Из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу.

Переход от Павла к Давиду, от Нового завета к псалмам уже совершился. Только поймем кое-что. Священство Старого Завета было в одном колене – Левия. Так они и назывались – левитами. Больше никто из колен к священству и жертвеннику приступать не имел права. Господь наш воссиял из колена, не приступавшего к священству, – колена Иудина. Первым священником был брат Моисея – Аарон. И если бы речь шла о том, древнем священстве, то было бы сказано: «ты священник по чину Аарона» или «ты священник по чину Левия». Но сказано о каком-то другом чине, по сути, о замене священства, о чине Мелхиседека. И пора уже от псалмов нырять к Моисею, то есть идти глубже. Наберитесь терпения. Это важно.

14-я глава книги Бытия рассказывает, как Авраам разбил соединенные силы содомских князей и освободил Лота. Добычи он не взял, чтобы никто не сказал: «Содом обогатил Авраама». И на обратном пути его встретил и благословил (!) некто Мелхиседек, бывший одновременно и царем, и священником. Авраам принял это благословение, что говорило о признании Авраамом первенства за Мелхиседком. Ибо «без всякого прекословия меньший благословляется большим» (Евр. 7, 7). При этом Мелхиседек вынес с собою хлеб и вино, что уже совсем прозрачно говорит нашему сердцу о Христе и о Таинстве Причащения. После этого таинственного появления Мелхиседек исчезает со страниц Писания, чтобы только в псалме 109-м опять появиться. Он выше Авраама! Он царь и священник! В его руках хлеб и вино! Не ярчайший ли это пророческий образ Иисуса в Ветхом Завете?! Павел не говорит, поет о нем: «Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр. 7, 3). Вот что значит – чин Мелхиседека, и кто, как не Иисус Христос, полностью ему соответствует!

Пройдемся теперь по нашей цепочке взад-вперед. Павел говорит о Христе как о Первосвященнике по новому чину. Цитирует для этого мессиянский псалом. Знакомство с псалмом требует от нас чтения книги Бытия. Или наоборот. Мы читаем про Авраама и сталкиваемся с таинственным персонажем по имени Мелхиседек. Ищем его далее и находим в псалме 109-м. Но, чтобы понять, кто он и что означает, изучаем 7-ю главу послания к Евреям.

Уф! Не знаю, как вы, но я тоже несколько изнемог. А сколько еще нам событий чудных готовит просвещения Дух! Имею в виду Святого Духа и просвещение от Божественных Писаний!

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику



У нас сейчас на улице появилось очень много сектантских миссионеров. Я не раз вступал с ними в дискуссию и не раз убеждал их всех, что все, что они проповедуют – ересь. Но все равно они этим не вразумлялись, ничем не смущались и продолжали дальше нести свою чушь. На мои доводы они никак не реагировали. Просто уходили. Стоит ли с ними вообще вступать в спор или нет? Священники не все на это отвечают однозначно. Одни говорят, что надо терпеливо уговаривать, другие – что уговаривать их уже слишком поздно.

Если сектантский миссионер заинтересован вашими доказательствами и хочет от вас что-то узнать, то разговор стоит продолжать. Если же вы увидите перед собой глухую стену, то продолжение такого разговора может только разорить ваше внутреннее устройство. Во всяком случае, перед беседой надо помолиться Богу как за себя, так и за еретика, и помнить, что только Бог может обратить сердце человека. Также следует изучать православные миссионерские книги, потому что, возражения и обвинения еретиков по отношению Церкви похожи друг на друга.

В средних школах сегодня преподают на уроках литературы Булгакова («Мастер и Маргарита»). Вредна ли для прочтения эта книга детям или просто любым людям? И если это грех, то необходимо ли мне каяться за ее прочтение?

Книга Булгакова «Мастер и Маргарита» вся пропитана демонизмом. Эта книга была напечатана в Советском Союзе в разгар гонений на Церковь и атеистического террора. Значит, враги Христа почувствовали в этой книге свое. Насчет покаяния – посмотрите в вашу душу, как вы читали эту книгу: если с увлечением и доверием или страстностью, то каяться надо. Наверно, вы что-то восприняли из этой книги, и оно живет в вашем подсознании. Поэтому советую, все-таки, исповедоваться.

Мой товарищ, православный журналист, является приверженцем идеи о том, что Иван Грозный – святой. То обстоятельство, что святой Корнилий был убит царем, и другие доводы его не убеждают. Он считает, что царь был собирателем земли русской и обогатил за борьбу с ересью жидовствующих.

Идею о святости Иоанна Грозного я слышу не впервые. Мне кажется, что такая идея могла возникнуть у людей, чье православие затуманено политизацией, национализмом и прагматизмом. Екатерина II также значительно расширила границы государства, неужели она из-за этого стала святой? Что касается пострижения Иоанна Грозного в монахи перед смертью, то надо сказать, что незадолго до этого он велел привести к себе с севера нескольких колдунов-шаманов, чтобы те предсказали ему будущее. А когда те предсказали ему смерть, то приготовился казнить их, если предсказание не исполнится. Умер он не на молитве, как обычно кончают свою жизнь святые, а за игрой в шахматы, и неизвестно, как он был пострижен в монахи – может быть, уже в беспамятстве. Постригать в монахи перед смертью было обычаем того времени, и принявшего постриг вовсе не считали святым. Что касается учения о том, что во время пострига в схиму прощаются все грехи, то, как мне известно, ни одно церковное постановление не говорит об этом. В Правилах Василия Великого сказано, что при монашеском постриге с тех, кто находится под епитимией, снимается одна треть наказания, а две трети остаются. Значит, постриг приравнивать к крещению все-таки нельзя. Это поверье основано на свидетельстве одного подвижника, что он видел, как на принявшего схиму сошла такая же благодать, как на крещаемого. Это видение написано в Патерике. Что касается борьбы с ересью жидовствующих, то здесь явный анахронизм: ересь возникла и была уничтожена задолго до Иоанна Грозного. Я считаю Иоанна Грозного сложной личностью, человеком с больной психикой, у которого спорадически вспыхивающая религиозность странным образом сочеталась с жестокостью, доходившей до садизма. Я думаю, что говорить о такой святости для православного человека – опасно. Лучше предоставить суд над ним Богу. Почитатели Иоанна Грозного могут последовать совету Пушкина: «Своих царей великих поминают, За их труды, за славу и добро. А за грехи и темные деянья, Спасителя смиренно умоляют».

Архимандрит Рафаил (Карелин)

НОВОСТИ 21.03.2017. Папа Франциск попросил прощения за участие католиков в геноциде в Руанде в 1994 году. Понтифик принес извинения во время встречи с президентом Руанды Полем Кагаме. Во время встречи папа Франциск вспомнил об участии некоторых католических священнослужителей в резне, которая унесла 800 тысяч жизней и «изуродовала лицо Церкви».

23.03.2017. После десятилетнего разбирательства суд окончательно оправдал Ватопедского архимандрита Ефрема. Апелляционный суд Афин снял обвинения со всех фигурантов дела об обмене земельными владениями. В 2008 г. имело место соглашение между Греческим государством и монастырем Ватопед по поводу обмена территориями, которое в дальнейшем явилось предметом исков, рассматривавшихся в судебном порядке в течение почти десяти лет. Архимандрит Ефрем в этой связи даже подвергался аресту, но впоследствии был освобожден.

24.03.2017. Деятельность «Свидетелей Иеговы» в России приостановлена. Деятельность головной организации «Свидетелей Иеговы» в России приостановлена из-за экстремизма, сообщает РИА-Новости со ссылкой на сайт Министерства юстиции. У религиозной организации регулярно возникают проблемы с законом – от судебных постановлений о запрете деятельности и ликвидации отделений до штрафов за хранение экстремистских материалов. Окончательное решение о том, запрещать ли работу организации в России, Верховный суд примет 5 апреля.

«Ветро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Иван и vanitas

В последнее время я часто вспоминаю о нем. Мы познакомились в Тбилиси у нашего общего друга-художника в конце семидесятых и довольно часто общались лет пятнадцать. Он приезжал ко мне в Петербург, я навещал его в Москве. О себе он рассказывал немного. Большую часть сведений о его жизни я получил от его матери. Особенно впечатлила меня история его ухода из института. Об этом он рассказал сам. Он учился в Тбилиси на художественном факультете и собирался стать профессиональным художником. Но в начале пятидесятых будущих Брюлловых и Шишкиных заставляли писать портреты сталеваров Руставского металлургического завода и лучших работниц чайной фабрики из города Самтредиа. Студентов посылали и в другие места, но Рустави и Самтредиа стали для моего друга нарицательными именами. О том, что потрясло его в этих богоспасаемых городах, нетрудно догадаться. После их посещения ему пришла в голову странная идея. Он бросил институт, перебрался в Москву и устроился в металлургический цех огромного завода. Идея заключалась в том, чтобы, проработав на вредном производстве, рано уйти на пенсию и посвятить остаток жизни свободному творчеству. Его учитель – замечательный художник Василий Шухаев – просил оставить эту идею. Он видел в нем талант и говорил, что идеология и лживый пафос, которые не мог переносить мой друг, не помеха для настоящего живописца. Всегда можно написать два портрета одного и того же персонажа: один – парадный, идеологически выверенный, а другой – неподцензурный, отображающий истинный внутренний мир. Но мой друг был непреклонен. Странная затея для двадцатилетнего молодого человека: четверть века стиснув зубы толкать в чаду вагонетки с шихтой, чтобы потом ни от кого не зависеть и бродить с этюдником где пожелает душа. Он был честен, принципиален и невероятно упрям. Этой идее он остался верен и проработал на одном месте до вожделенной пенсии в пятьдесят лет.

Это был могучий, без трех сантиметров двухметровый человек с детскими печальными глазами. Его звали... Как его только не называли! Мать – Овиком, соседские дети – Вовиком, в институте с легкой руки одного приятеля – Вольдемаром, жена – Ваником. Мне он представился Иваном. Так я к нему и обращался. Он и по паспорту был Иваном. Но в свидетельстве о рождении записан Ованесом. Так его называли в честь деда матери. А отец матери был русским офицером.

Мать Ивана – Сусанна Петровна – жила с ним в Москве. Он перевез ее к себе после того, как она перенесла инсульт. Она много рассказывала мне о своей невеселой жизни: о гибели родителей при попытке выбраться из Грузии, когда в нее вошли красные; об убийстве деда, о посадке ее мужа на «10 лет без права переписки» (что означало расстрел), о детстве Ивана. Ему, отпрыску репрессированных «врагов народа», крепко доставалось от сверстников. Но он был сильным и мог за себя постоять. За силу и смелость его уважали. И к двенадцати годам у него был непререкаемый авторитет даже среди парней намного его старше. Но он никогда не атаманствовал. Старался избегать дворовых драк и шумных игр. После школьных уроков брал этюдник и шел писать городские пейзажи или уезжал за город. Он с детства знал, что станет художником. И его уход из института и переезд в Москву для Сусанны Петровны были настоящей трагедией. Она так и не поняла, почему он это сделал.

Она была рада, что он перевез ее к себе. В Тбилиси никого из родных не осталось. Но в семье Ивана ей было невесело. Сын был добр и предупредителен, но разговаривал с ней редко. Невестка холодно здоровалась. На том их общение и заканчивалось. Внука она видела только когда кормила его. У него была своя, непонятная ей жизнь. Он в 15 лет мог прийти домой за полночь, а то и утром. Ни отец, ни мать из этого трагедии не делали. Несколько попыток поговорить сначала с внуком, а потом с сыном о ненормальности гулянок до утра были пресечены. Ей оставалось сидеть в своей светелке и готовить на всю семью. От ее вкусной стряпни никто не отказывался. Я был, пожалуй, единственным, кто мог часами слушать истории из ее жизни. Однажды она попросила меня рассказать о том, как мы познакомились с Иваном.

Она удивлялась тому, что у сына появился друг. Иван с детства был замкнут. Ни с кем не откровенничал, всегда держал дистанцию. Лишь один человек, тоже сын репрессированного, называл его своим другом. У него мы и познакомились.

Сусанна Петровна видела, как мы подолгу беседовали, как горячо Иван спорил со мной, словно его прорвало за полвека скрытной, молчаливой жизни. Она пыталась узнать у меня, как мне это удалось и чем я его так расположил. Но я и сам не мог этого понять.

Возможно, дело в том, что наше знакомство произошло в Тбилиси – городе его детства. И хотя он говорил, что ничего хорошего в его детстве и юности не было, я видел, как он был рад, что приехал на родину. Он менялся на глазах и через неделю из грустного молчаливого человека превратился чуть ли не в весельчака, свободно чувствовавшего себя в любой компании. Его радовали встречи с постаревшими однокурсниками, прогулки по улочкам, где он помнил каждый дом и кто в нем жил, споры об искусстве и политике, знакомство с работами молодых художников. Ничего подобного не было с ним за четверть века московской однообразной многотрудной жизни. Наверно, встречи со мной будили в нем воспоминания о тех тбилисских каникулах, когда он за день получал больше впечатлений, чем за все время своего столичного прозябания. Иначе трудно объяснить причину нашей дружбы. Он впервые раскрылся и мог со мной не залезать в свою скорлупу. Он получил опыт «вылезания из подполья». И время от времени вновь хотел его испытать. Мои приезды к нему давали эту возможность.

А мне он был интересен по многим причинам. Я никогда прежде не встречал людей такой твердости, силы и неколебимой принципиальности при мягкости и даже застенчивости. В нем сочетались полярные качества: щедрость с другими и предельная экономность с самим собой, умение твердо стоять на своем в принципиальных вещах и поразительная уступчивость в том, что он принципиальным не считал.

Кроме ухода из института на тяжелейшую работу, он еще не раз удивлял и огорчал мать. Когда можно было получить изрядную компенсацию за отца, он твердо сказал, что «не возьмет у этих негодяев ни копейки». И матери он не позволил этого сделать.

В Тбилиси Иван приехал вскоре после того, как перевез мать в Москву. Ему нужно было оформить обмен ее квартиры на комнату в столице.

Две недели он ходил по всяким конторам. Вечерами был свободен и навещал в мастерских своих бывших однокурсников. Далеко не все стали профессиональными художниками. Мы познакомились у профессионала. Ему не очень нравилось то, что он делал официально. Работы для души были намного интереснее. Он нам посоветовал посмотреть картины нескольких самоучек-авангардистов. Они в ту пору были в фаворе.

Во второй половине семидесятых атмосфера в Тбилиси была очень своеобразная. Все дышало жадной плохо представляемой свободой. В мастерских и на квартирах художников собиралась самая разная публика. Помимо мастеров кисти за чашкой кофе или стаканом вина рядом с вами могли оказаться начинающие поэты, знаменитые актеры, антропософы, гадалки, племянник вора в законе, державшего под контролем полгорода, католический миссионер из братской Польши, подруги целительницы Джуну, утверждавшие, что превзошли ее по части нетрадиционного врачевания. Посидев у одного маэстро, половина публики перемещалась к другому, по пути зайдя к гадалке, варившей самый вкусный в городе кофе. Потом кто-нибудь из гостей мог шепнуть на ухо: «Приглашаю вас к Сержику». Сержик – это режиссер Параджанов. Приглашение к нему считалось дорогим угощением для заезжего служителя муз.

Ивану это угощение по вкусу не пришлось. Весь вечер Параджанов был возбужден. Распекал при гостях своего племянника. Показал малоприличные рисунки, сделанные в заключении, рассказал несколько лагерных историй, дал мне навынос два своих сценария. Узнав о том, что я интересуюсь древними обителями, рассказал о съемках фильма «Цвет граната» в монастырях Ахпат и Санаин и об одной Пасхе во время его отсидки в лагере на Западной Украине. Лагерь находился в бывшем монастыре. Утром после литургии народ крестным ходом подошел к высоким стенам монастыря и стал перекидывать через них яйца, куличи, паляницы и даже кур.

– Когда-нибудь сниму этот эпизод: летящие по небу яйца и вохровцы, отгоняющие эзков от падающих к их ногам пасхальных угощений.

Неожиданно Параджанов предложил мне в подарок серый

фрак:

– Вот купил у соседки шкаф за 20 рублей, а в нем целый гардероб дореволюционных нарядов.

От фрака я отказался. Тогда Параджанов вытащил толстенную пачку купюр, ходивших во времена короткого периода независимости Грузии после развала Российской империи:

– Возьми сколько хочешь. Это тоже было в том шкафу. Я не коллекционер, но одну веселенькую бумажку достоинством в 25 тысяч взял. Иван все время молчал и от сувениров отказался.

В тот же вечер мы оказались в гостях у чиновного друга одного художника. Пир был очень богатый. Икра трех сортов, жареный поросенок, огромный осетр, лежавший посреди стола, отменные вина домашнего изготовления...

Иван был представлен художником из Москвы, а я – литератором из Питера. Справа от меня сидел хмурый человек. Ел он молча и пил не дожидаясь тостов. Довольно скоро достиг меры, перестал хмуриться и стал поглядывать на гостей с прерзительным интересом.

– Так какую «Войну и мир» вы написали? – спросил он, иронически оглядев меня от живота до бровей. Выпад был неожиданный. Нужно было как-то отшутиться.

– Вы знаете, эту книгу написал мой коллега, а я заканчиваю рассказ под названием «Му-му».

– И о чем рассказ?

– Это интересная история об одном гордом человеке, который всех презирал и не замечал. И только когда напивался, начинал сначала произносить что-то вроде «му-му», а потом язвить собеседника.

Сосед неожиданно громко расхохотался и больно ударил меня по плечу:

– Слушай, Автандил, мне нравится этот пацан, – закричал он, обращаясь к хозяину, сидевшему в конце стола. – У них, у русских, принято давать 20 копеек за хорошую шутку. Даю рубль.

Он вытащил толстенный бумажник, долго ковырялся, перебирая сотенные бумажки, наконец вытащил новый хрустящий рубль и толстым пальцем засунул его в мой наружный нагрудный карман.

– Это тебе за хорошую шутку.

Гости с любопытством наблюдали за происходившим. Несколько человек засмеялись. Я наклонился к его уху и тихо попросил:

– Не называйте меня, пожалуйста, пацаном.

А потом, чтобы было слышно всем, добавил:

– Простите, а этот жест с рублем тоже шутка?

Сосед засмеялся:

– Конечно!

Тогда я достал из кармана измятую трешку:

– А это за вашу шутку, – и проделал с ней то же, что он с рублем.

Тот еще громче засмеялся. Смеялся он долго. Потом ленивым жестом достал бумажник, вытащил из него 25-рублевую купюру, посмотрел испытующе мне в глаза и, очертив рукой большую дугу, с театральным поклоном отправил купюру вслед за рублем.

– Простите, – обратился я к участникам ужина, – что нужно в таком случае делать?

Несколько голосов ответили мне хором со смехом:

– Нужно дать больше.

Послышался шепот, хихиканье.

– Откуда у русских деньги! – довольно громко произнесла красивая пожилая дама в черном строгом платье с плотными кружевами до самого горла.

Я немного помолчал и обратился к ней:

– А если у гостя действительно нет денег, нужно покинуть застолье?

Она опустила глаза и ничего не ответила. Гости шумно заговорили по-грузински. Хозяин встал и, широко улыбаясь, сказал:

– Пошутили, и будет. Это же не покер. Не надо повышать ставки. Предлагаю выпить за здоровье наших столичных гостей. Гаумарджос!

Я встал вслед за хозяином, поблагодарил его, выпил и обратился к соседу:

– Покер не покер, а все же шутку нужно закончить иначе.

Сосед с удивлением посмотрел на меня. Тогда я достал подаренную Параджановым купюру в 25 тысяч и положил ее перед ним.

Продолжение следует

Отметник

Сказал авва Исаия: «Горе мне! Горе мне! Обвинители мои, известные мне и неизвестные, предстоят предо мною, и не могу опровергнуть обвинений их.

Увы! Увы! Имея таких обвинителей, как предстану Господу моему? Как явлюсь в собрание святых Его, когда враги не оставили ни одного члена моего неоскверненным?»

Также сказал: «Кто ищет Господа с болезнью сердечною, того молитве Господь внимает и исполняет прошения его, если они приносятся в духовном разуме, если молящийся в сокрушении духа заботится о спасении своем, если не опутывается ничем мирским, если трудится в страхе Божиим по силам своим о том, чтоб представить душу свою непорочною на суд Божий».

Еще сказал: «Человек нуждается в великом сердечном мужестве для хранения заповедей Божиих». Авва Исаия говорил: «Не тот разумен, кто говорит, но тот, кто знает время, когда должно говорить. В разуме молчи, и в разуме говори; прежде, нежели начнешь говорить, обсуди, что должно говорить; говори одно нужное и должное; не хвались своим разумом и не думай, что ты знаешь более других».

Он говорил: «Если Бог хочет помиловать душу, а она упорствует и не повинуется, но поступает по своей поврежденной воле, то Бог попускает ей скорби, которых она не желала бы иметь, чтоб таким образом эта душа взыскала Бога».

Он говорил: «Уничуждение себя есть то место, в котором обретається спокойствие».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

26 мар., вс. – Неделя 4-я Великого поста. Прп. Иоанна Лествичника. Перенесение мощей свт. Никифора, патриарха Константинопольского.

27 мар., пн. – Понедельник 5-й седмицы. Прп. Венедикта Нурсийского. Свт. Евхимона исп., еп. Лампсакийского. Феодоровской иконы Божией Матери.

28 мар., вт. – Вторник 5-й седмицы. Мч. Ага́пия и с ним семи мучеников: Пуплия, Тимолая, Ромила, двух Александров и двух Дионисиев.

29 мар., ср. – Среда 5-й седмицы. На утрени – чтение Великого покаянного канона прп. Андрея Критского. Мч. Сави́на. Свт. Серапио́на Новгородского.

30 мар., чт. – Четверг 5-й седмицы, «стояние Марии Египетской». Прп. Алексі́я, человека Божия. Прп. Мака́рия, игумена Каля́зинского, чудотворца.

31 мар., пт. – Пятница 5-й седмицы. Свт. Кири́лла, архиеп. Иерусали́мского. Мчч. Трофима и Евкарпия. Прп. Анина монаха. Сщмч. Димитрия пресвитера.

1 апр., сб. – Суббота 5-й седмицы. Суббота Ака́фиста. Похвала́ Пресвятой Богородицы. Мчч. Хриса́нфа и Да́рии и иже с ними. Прп. Симео́на Псково-Пече́рского. Прав. Софи́и, кн. Слу́цкой. Прп. Иннокенти́я Ко́мельского, Вологодского. Иконы Божией Матери, именуемой «Умиле́ние», Смоленской.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!